

ГОЛОСА ИЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ В ГЕРМАНИИ

Известно, что судьба произведений искусства нередко повторяет судьбу создавших их людей. В результате депортации и целого ряда мер, организованных советским руководством, российские немцы в качестве этнической общности близки к исчезновению.

К сожалению, различного рода мероприятия и проекты, которые в РСФСР «продают» в качестве «этнического возрождения российских немцев», в большинстве случаев являются ни чем иным, как приманками для инвестиций из Германии. Общественность же и политики Германии еще не поняли, что эта демагогия в стране, в которой на протяжении 70 лет не воссоздано ни одной немецкой школы, представляет собой бессовестный, если не наглый, цинизм. Тем более, что во главе таких проектов зачастую стоят хладнокровные дельцы, в глубине души презирающие людей и их культуру, которым на словах служат. Нет, птенцы, выброшенные из своего гнезда, больше туда не вернуться. «Этническое возрождение российских немцев» – демагогия или, в лучшем случае, - самообман. Но многое из культурного наследия российских немцев, широко рассеянного по свету, – в Поволжье, Причерноморье, в Сибири, в североамериканских и бразильских штатах, в аргентинских и канадских провинциях - еще можно спасти. Это касается и культурного наследия немцев Поволжья – самой многочисленной и архаичной группы российских немцев.

Следует признать, что несмотря на деструктивную позицию воинственных глашатаев идеологии так называемых «мульти-культи», которая доминирует в стране и направлена, в принципе на разрушение немецкой национальной культуры, в Германии, тем не менее, для сохранения культурного наследия немцев Поволжья сделано не мало.

В данном очерке предпринимается попытка подытожить эти усилия. И если это в какой-то степени послужит пробуждению интереса общественности двух стран - ФРГ и РСФСР – к культуре этнической общности, исчезающей в результате геноцида, который был организован и претворен в жизнь под руководством ЦК КПСС и советского правительства, то автор будет считать свою задачу выполненной.

1. Культурные связи Германии с немцами Поволжья до второй мировой войны.

Исследования, объектом которых были научные и культурные связи немцев Поволжья с Германией, позволяют заключить, что специфическая проблематика данных связей в них последовательно замалчивается.¹ Это, несомненно, связано с генеральным запретом на все, что касалось темы «российские немцы» в Советском Союзе в послевоенное время. Так, Аркадий Герман даже во времена так называемой «перестройки» посвящает этой теме всего несколько страниц,² уделяя главное внимание связям в области экономики, хотя он и отмечает, что зарубежные контакты немцев Поволжья с Германией имели место и «до революции», а руководство Немреспублики в 1922-1923 гг. продолжило их.³ Более подробно эту тему рассматривают Б. Пинкус и И. Флейшгауэр.⁴ Важная в этом плане информация содержится в статье Нины Вашкау.⁵

¹ КУЗЬМИН, М.С.

² ГЕРМАН, А.А.(1994), стр.83-92.

³ ГЕРМАН, А.А. Ук. Соч., стр. 83.

⁴ PINKUS, B./I. FLEISCHHAUER, S. 150-203.

⁵ WASCHKAU, E., S. 104-118.

Большевистское правительство Центра наблюдало за поездками руководителей Немреспублики и представителей её интеллигенции в Германию с растущим подозрением и разрешало такие поездки всегда очень неохотно. Но поскольку дело всё-таки касалось «немецкой рабоче-крестьянской республики», которая должна была служить примером «трудящимся Германии», Москва на первых порах делала в этом плане некоторые уступки. Сыграли свою роль также некоторые положительные результаты, достигнутые в процессе данных контактов. Поэтому специальная комиссия обкома партии Немреспублики предложила Политбюро ВКП(б) ряд конструктивных мер, которые были необходимы для углубления «работы республики в Германии». Руководители Немреспублики ссылались при этом на доклад заместителя председателя ЦИКа и председателя Совнаркома АССР НП **В. Курца**,¹ который с марта до мая 1925 г. находился с неофициальным визитом в Германии, где представился в качестве директора Немволбанка и был принят представителями правительства и промышленных кругов страны. Он встретился также с представителями организаций немцев Поволжья в Германии, с которыми обсудил возвращение на родину эмигрировавших сюда немцев Поволжья. Итоги поездки, которые Курц доложил своему правительству в Энгельсе, составили затем основу предложений, сделанных руководителями Немреспублики Московскому Политбюро. Но соответствующая комиссия Политбюро приняла лишь некоторые из выработанных в Энгельсе предложений. Так, было признано целесообразным более подробно информировать общественность Германии о достижениях Немреспублики. Москва также сочла разумным поездки в Германию руководителей Немреспублики с целью их ознакомления с «культурой и достижениями страны».² В качестве первого ученого Немреспублики в Германию отправился германист и этнограф профессор **Г. Дингес**. 9 июня 1924 г. Совнарком республики направил его на три месяца в Германию «для занятия там научной работой в области языкознания».

В марте 1926 г. в Германии пребывала делегация Немреспублики, в составе которой находились председатель исполкома республики **И. Шваб** и председатель Волбанка **Е. Иванов**.³ Из материалов архива министерства иностранных дел следует, что членом делегации также был комиссар Немреспублики по воспитанию **Й. Шенфельд**,⁴ в то время как из материалов Энгельсского архива вытекает, что в это время Шенфельд руководил отдельной делегацией учителей.⁵ Шваб неоднократно выражал желание углубить отношения «со страной происхождения»,⁶ в то время как Шенфельд будто бы предлагал даже создать в Берлине комиссию, которая смогла бы выработать программу культурного обмена между Немреспубликой и Германией. При этом он имел в виду в первую очередь обмен студентами и назначение стипендий студентам, желающим получить образование в германских университетах.⁷ Но, подобно многим другим проектам, это предложение также не нашло соответствующего отклика в Москве.

В августе 1927 г. в Германию прибыла сельскохозяйственная делегация в составе пяти человек, которую возглавлял народный комиссар сельского хозяйства **А. Шнейдер**.⁸ В следующем году туда был приглашен известный педагог, журналист,

¹ ГИАНИП, ф. 849, оп.1, д. 587, л. 3.

² ЦДНИСО, ф. 1, оп. 1, д. 973, л. 62 – 65.

³ ГИАНИП, ф. 849, оп.1, д. 587б л. 3.

⁴ *Akten des Auswärtigen Amtes IV, Russland (Deutsche Botschaft, II. 3.1926); "Berliner Volkszeitung" vom 21.03.1926. Zu diesem Treffen waren hohe Beamte des Auswärtigen Amtes, darunter von Dirksen, der Leiter der Russland-Abteilung, und Vertreter der deutschen Industrie geladen.*

⁵ ГИАНИП, ф. 849, оп. 1, д. 587, л. 3.

⁶ *Akten des Auswärtigen Amtes IV, Russland (Deutsche Gesellschaft zum Studium Osteuropas, 23.03.1926).*

⁷ RICHTER, H., S. 26.

⁸ *Deutsch-Wolgadeutscher Pressedienst 1927, Nr. 15.*

⁹ *Akten des Auswärtigen Amtes IV, Russland (Deutsche Wolgarepublik 1929-1934, Band 1, 23.01.1929).*

поэт, писатель и этнограф **П. Зиннер**,⁹ который в то время работал в Ленинградском университете. Но этому визиту не суждено было состояться. В то время как экономические и торговые отношения Немреспублики с Германией, в которых был заинтересован и Кремль, продолжались вплоть до 1930-х годов, культурные отношения развивались вяло, пока в 1929 г. не угасли совсем.

2. Писатели Немреспублики в Германии

Антинемецкая линия Кремля, естественно, существенно затрудняла популяризацию культурного наследия немцев Поволжья в Германии. Тем не менее, в стране был издан целый ряд произведений как авторов, выходцев из Поволжья, так и писателей Германии, которые «заразились» волжско-немецкой тематикой, причем сразу же следует подчеркнуть, что так называемая «эмигрантская и зарубежная пресса» внесла в это процесс заметный вклад.¹ Многие литераторы и деятели культуры, выходцы из немцев Поволжья, вообще стали известны лишь благодаря тому, что их творчеству была оказана поддержка в Германии. Можно поэтому по праву утверждать, что после прихода в России к власти большевиков в Германии возникла эмигрантская литература немцев Поволжья, которая, в отличие от произведений писателей, творивших в Немреспублике, критически отражала действительность в Поволжье и России.

Последнее в СССР было, как известно, невозможно, поскольку здесь деятели культуры вынуждены были либо полностью подчинить свое творчество большевистской идеологии, либо просто молчать. Третьего пути не было. Кто пытался плыть против течения, подлежал изоляции или физическому уничтожению. Критик **В. Эккерт** выражает это следующим образом: *«развитие советско-немецкой литературы в 1920-е годы не было единым и не могло таким быть... Произведения некоторых буржуазных интеллигентов показывали Октябрьскую революцию только в качестве освободительницы от национального гнета, отрицая диктатуру пролетариата и восхваляя 'немецкое культуртрегерство'. Некоторые писатели, правда, поднимались до критики, высмеивания и отрицания старой системы, не находя, однако, революционного выхода. Но были и такие, которые эмигрировали и подвергали новую Россию нападкам».*² Но именно творчество «таких» авторов, которых советские критики практически не упоминали, и которые почти неизвестны самим немцам Поволжья, поскольку их произведения были опубликованы только в Германии, является предметом данного сочинения.

2.1. Карл Фердинанд Эмануэль фон Валберг (Carl Ferdinand Emanuel von Wahlberg – 1847-1920) родился в г. Екатериненштадте (г. Маркс) в семье лютеранского пастора шведского происхождения Карла Эрика Вальберга. Сын пастора прожил среди немцев Поволжья лишь девять лет, но навсегда сохранил к ним трогательную привязанность. В своем романе «Mennoniten» Валберг пишет об одном из своих героев: *«Frei und wie der*

¹ *Deutsches Leben in Russland. Zeitschrift für die Kultur und Wirtschaft der Deutschen in Russland. Hrsg. Zentralkomitee der Deutschen aus Russland. Hauptschriftleiter Johannes Schleuning. Erschien seit 1923 in Berlin. – Deutsche Post aus dem Osten. Hrsg. A. Eichler u. C. v. Kugelgen, Verl. Heimat-Aufbau-Wirtschaftsgenossenschaft russlanddeutscher Kolonisten. 1925-26, 1-9. – Geistiges Leben. Monatschrift für die Deutschen in Russland. Hrsg. Von Ludwig Wolff und Adolf Eichler, Jg. 1-2, Lodz, 1912-1913. – Mitteilungen des Vereins der Wolgadeutschen, Berlin 1919, Nr. 1-5. – Osteuropäische Zukunft. Zeitschrift für Deutschlands Aufgaben im Osten und Südosten. Hrsg. Dr. Falk Schuipp, Jg. 1-3, Nr. 1-20. München 1916-1918. – Der Wolgadeutsche. Unabhängige Wochenschrift für die kulturelle und wirtschaftliche Förderung des Wolgadeutschums.- Jg. 1-2. Berlin 1922-1923, Jg. III. ff. Neuhof bei Berlin. – Wolgadeutsche Monatshefte. Monatschrift für Kultur und Wirtschaft der Wolgadeutschen. Berlin 1922, Jg. I. ff. u. a.*

² EKKERT, W. (1981), S. 26.

*Gesichtskreis in der Steppe, groß und mächtig wie die Wolga wuchs in dem Jüngling eine heiße Liebe zur Freiheit auf, zu dem Volke, das die Steppe im bunten Durcheinander hervorbrachte, zur Heimatscholle, während ihm jeder Zwang und alles Kleinliche im Leben tief verhasst wurde».*¹ Эти слова могут быть, несомненно, отнесены и к самому автору романа.

Валберг стал врачом, служил в русской армии и вышел в дворяне. Он писал рассказы, драмы, романы и, благодаря огромному трудолюбию, стал одним из самых известных представителей литературы российских немцев. Постоянной темой произведений Валберга является жизнь немецких крестьян в России, а также соседство немцев и русских. **И. Варкентин** определенно прав, утверждая, что Валберг не был «приезжим или временно интересующимся. Все его мысли и чувства произрастали на земле немцев Поволжья».²

Свою литературную деятельность Валберг начал с рассказов, посвященных жизни русских солдат во время русско-турецкой войны в 1877-78 г., а также драмами и рассказами на шведском языке.³ Но вскоре он пришел к выводу, что основные идеи его произведений чужды как финской, так и шведской душе. Несовершенство своего творчества Валберг сам объяснял тем, что ему не хватает главного условия, лежащего в основе успеха любого произведения, – «близости к народной душе».⁴ Этот вывод, а также тоска по приволжской степи вновь побудили его вернуться к местам своего детства. С этих пор все его писательские усилия диктовались только любовью к родине и выражались на родном языке. Эту перемену П. Зиннер описывает следующим образом: «(...) Затем он вернулся в страну своих отцов, получил там воспитание и образование, стал юношей, мужчиной, известным политическим деятелем, мог оказать влияние на ход истории своей страны. В борьбе жизни и в творчестве его, возможно, и охватывала ненадолго тоска по приволжской степи. Но пока он творил и боролся, он не позволял этим чувствам взять верх над собой.(...) Лишь после того как его активная жизнедеятельность закончилась, когда ему перевалило за шестьдесят, когда он мог подвести итог успешной деятельности и предаться заслуженному отдыху, вдруг явилось это чувство, одолевшее его, тянувшее тысячью нитей в приволжскую степь, туда, где, как сон, пролетело его золотое детство.(...) И он поехал туда, в приволжскую степь, посетил могилы своих близких, все те места, где он носился мальчишкой. И все для себя решил. Он вновь оказался во власти приволжской степи. (...) Благодаря своей писательской деятельности он по-дружески сошелся со многими знаменитостями. Г. Ибсен, Б. Бьорнсен, П. Гейерстам считались его личными друзьями. Теперь он покинул этот большой мир и прожил остаток своей жизни в стране своего детства, в стране своих святых снов. (...)»⁵

Роман Валберга «**Христиан Бодэ (Christian Bode)**» выдержан в духе немецкой романтики. Подзаголовок: «Рассказ из немецких колоний в приволжской степи» (Erzählung aus den deutschen Kolonien an der Wolgasteppe).⁶

*Wo im Frühling aller Farben
Tulpen, überschüt't mit Garben
Goldner Strahlen, leuchtend blüh'n,
Bunte Schmetterlinge flattern,
Kraniche durch Lüfte zie'hn;*

*Где весной тюльпаны
Всех цветов, политые снопами
Золотых лучей, сверкая, цветут,
Где порхают цветные мотыльки
И по небу тянутся журавли*

¹ WAHLBERG, F. v. (1912), S. 52.

² WARKENTIN, J. (1999), S.64.

³ SCHNEIDER, W., S. 56.

⁴ WAHLBERG, F.v. (1923), S. 9.

⁵ SINNER, P. (1923), 316 ff.

⁶ WAHLBERG, F.v. (1910).

(...)
*Wo die Träume sich erfüllen,
Was passieren wird enthüllen...*

(...)
*Где сбываются мечты,
Предсказывая будущее...*

Так описал свою родину на Волге поэт Давид Куфельд. Как сказку... Но главного героя романа Валберга, который служит священником в немецких селах Поволжья, окруженных этим сказочным миром, охватывает одиночество. Он живет с двумя сестрами в немецкой колонии на берегу степной речушки Ирш. Как образованный человек он всё сильнее испытывает тягу познать неизведанное, то, что находится за пределами этих сёл, «которые хотя и являются его родиной, но ничего не могут ему дать». И он предпринимает попытку побега из этого степного одиночества. Но опыт жизни в губернском городе подсказывает ему, что это чувство обманчиво. Чувство привязанности к родине противодействует его стремлению отправиться в дальние края. В итоге это чувство в душе старого пастора побеждает... Он борется сам с собой, но остаётся со своими одинокими овечками...

«Меннониты» (**Mennoniten**).¹ И этот уже названный и просто, но вместе с тем превосходно скомпонованный рассказ позволяет распознать признаки немецкой романтики и сентиментализма. В центре повествования – меннониты, протестантская группа, которая обосновалась в Поволжье в XIX веке. И. Варкентин предполагает в этой связи, что речь идет о семи больших меннонитских селах «на тракте» (am Trakt).² Скорее всего, так оно и есть. Но Валберг мог построить свое повествование и на основании своих наблюдений за поселениями меннонитов в Самарской губернии выше по Волге. Суть не в этом, а в том, что он со знанием дела и в увлекательной форме описал своеобразие жизни меннонитов в Поволжье и их обычаи.

То обстоятельство, что Валберг был знатоком жизни членов этой религиозной общности особенно бросается в глаза, если сравнить его рассказ, к примеру, с рассказом „Friesennot“ Вернера Кортвиха,³ с сентиментальной историей, имеющей мало общего с действительностью. Не в пример Кортвиху Валберг правдиво изображает образцовое поселение меннонитов на Нижней Волге. В качестве одной из центральных фигур изображена Матеа Кёлер – молодая девушка, которая трогательно привязана к религии и образу жизни предков, но в результате трагического стечения обстоятельств изгоняется из общины. Этим рассказом Валберг словно призывает своих земляков быть сплоченнее, находить радость в труде и помощи ближнему, блюсти наследие отцов и быть примером для всех немецких поселений в приволжской степи.

«Лайли Султанех» (**Laili Sultaneh**).⁴ В этом романе можно выделить две сюжетные линии. Первая развивается в селе и представляет собой, как справедливо отмечает И. Варкентин, как-бы «обратный» вариант эпоса немцев Поволжья «Киргизенмихель» (Kirgisenmichel).⁵ «Киргизская» девушка Лайли по стечению обстоятельств в тяжелом состоянии попадает в семью священника, где она выздоравливает и где её затем воспитывают согласно немецким традициям. Девушка благодарна своим приемным родителям за проявленную заботу, но хочет остаться «киргизкой» и сохранить мусульманскую веру. Приёмные родители – образец веротерпимости в приволжской степи в ХУШ в.! – мирятся с таким таким решением. С целью более эффективного

¹ WAHLBERG, F. v. (1912): *Mennoniten. Erzählung. Wien/Leipzig.*

² WARKENTIN, J., a. a. O., S. 65.

³ KORTWICH, W.

⁴ WAHLBERG, F. v. (1919).

⁵ WARKENTIN, J., a. a. O., S. 66.

оказания помощи своим соплеменникам Лайли выходит замуж за Араслана – надежду киргизов.

«Остров смерти» (Die Mordinsel).¹ Сначала следует пояснить, что остров с этим названием на Волге действительно есть. И убийство там действительно имело место. Но к произведению Валберга всё это имеет лишь косвенное отношение.

Рассказанная история произошла примерно в 1912 г., т.е. в период между Японской и первой мировой войнами. Это, как известно, очень богатое событиями время. В огромной империи вновь начинается брожение. В Сибири происходит массовый расстрел рабочих, идут уличные бои, производятся террористические акты, которые сотрясают всю страну и отголоски которых доходят даже до мирной волжской степи. На этом фоне становится ясным, что унаследованная сельская идиллия на берегах великой реки весьма обманчива.

Грегор Клейст и его жена Юдит Клейст после многолетнего отсутствия возвращаются в свое родное село, но там для них стало еще теснее. Грегор стремится преодолеть эту подавленность, осуществляя свою мечту – соединить свое родное село с железной дорогой, которая к счастью как раз строится, а также дать новый толчок развитию, образования, ремёсел и промышленности. Но его замыслы, несмотря на первоначальные успехи, рушатся, и вся история заканчивается трагически.

2.2. Иоганнес Шлейнинг (Johannes Schleuning – 1879-1961) родился в селе Норка (Вейганд) на горной стороне Волги. С раннего детства он отличался любознательностью, прилежанием и одаренностью. В итоге ему удалось закончить теологический факультет Тартусского (Дерптского) университета.² После этого он с 1910 по 1914 год был священником немецкой лютеранской общины в Тифлисе и одновременно редактировал издававшуюся там немецкоязычную газету „Kaukasische Post“.³

Начало первой мировой войны стало сигналом к началу травли и преследований немцев в России.⁴ Священник Шлейнинг мужественно защищал права и достоинство своих прихожан и земляков, но вскоре, в октябре 1914 г., был сослан в Сибирь. Только после Февральской революции 1917 г. ему было разрешено покинуть место ссылки и переехать с семьей в Поволжье. Здесь он принимал участие в издании “Saratower Deutsche Zeitung“. В то время это была первая немецкая газета в России, которая стала вновь выходить после запрета использовать немецкий язык в общественной сфере. Но в декабре 1917 г. большевики, которые к тому времени захватили власть, запретили и это газету. Когда началась гражданская война, Шлейнинг, спасая свою семью, эмигрировал в Германию.

В новых условиях он сразу же приступил к работе по поддержке своих земляков. Тем, что германская и мировая общественность обратили свое внимание на катастрофическое положение российских немцев, они в первую очередь обязаны Иоганнесу Шлейнингу. С 1921 по 1929 г. он был председателем «Центрального комитета немцев из России» (Zentralkomitee der Deutschen in Russland), а в 1919 г. создал в Германии Объединение Немцев Поволжья (Verein der Wolgadeutschen), став его первым председателем. Главной задачей этой организации являлась поддержка эмигрировавших в Германию немцев Поволжья. А когда в Поволжье разразился голод, Объединение сконцентрировало свою деятельность на сборе средств для голодающих Поволжья в Германии и США. На собранные средства покупали продукты, которые затем отправляли голодающим.

¹ WAHLBERG, F. v. (1914).

² SCHLEUNING, J. (1964).

³ BÖTTGER, Chr. u.a., S. 183, 297-298.

⁴ РЯБИЧЕНКО, С.; DÖNNINGHAUS, V., S. 63 – 66.

В 1921 г. Шлейнинг отправился в США, где читал проповеди, одновременно призывая к помощи голодающим немецким селам в России. Деятельность немцев Поволжья в США, направленная на помощь голодающим, привела в 1922 г. к созданию „American Volga Relief Societe“. Шлейнинг был также членом правления созданного в 1918 г. «Банка колонистов» (Kolonistenbank) и многие годы занимал руководящую позицию в VDA (Verein für das Deutschtum im Ausland).

После своего возвращения в Германию из Америки Шлейнинг стал издавать журнал „Deutsches Leben in Russland“, который национал-социалисты запретили в 1934 г. Во время второй мировой войны и после неё он был священником, а на заключительном этапе своей жизни - суперинтендантом (главой церковного округа) в Берлине. Затем он занимал эту должность в Брауншвейге. Наряду со своей деятельностью в качестве священника Шлейнинг с 1952 г. был председателем и официальным представителем Рабочего объединения переселенцев с востока (Arbeitsgemeinschaft der Ostumsiedler), которое в 1955 г. было переименовано в Землячество Немцев из России, почетным президентом которого он также был избран. Литератор, журналист и видный общественный деятель умер в 7 сентября 1961 г. в городе Брауншвейге.

И. Шлейнинг был талантливым и плодовитым писателем, который, наряду с многочисленными статьями в периодических изданиях,¹ написал целый ряд книг.² Так, в 1964 г. вышла в свет его книга „Mein Leben hat ein Ziel“. Эту работу несомненно можно рассматривать в качестве главного произведения Шлейнинга. Автор описывает свою богатую событиями жизнь на фоне истории своих соплеменников – немцев из России. В детстве ему привелось стать свидетелем образования дочерней колонии в Поволжье, а именно села Ней-Норка, что он детально и с трогательной привязанностью изображает в этой книге. Кроме того, это произведение содержит ценную информацию об образе жизни немцев Поволжья, которая в качестве свидетельств очевидца представляет непреходящий интерес для историка и этнографа. Следует также отметить, что в книгах Шлейнинга содержится важная информация о первых попытках немцев из России объединиться для более действенного сопротивления дискриминации. Автор также представляет некоторых общественных деятелей своего времени, имена которых незаслуженно забыты, высказывает интересные мысли о встречах и беседах с многочисленными российскими и германскими политиками своего времени.

2.3. Георг Самуил Лебзак (Georg Samuel Löbsack – 1893-1936) был, как и Иоганнес Шлейнинг, журналистом, писателем и покровителем немцев Поволжья, хотя и не таким плодотворным, как его земляки Валберг и Шлейнинг: В Германии он обратил на себя внимание своей книгой „Einsam kämpft das Wolgaland. Ein Bericht aus sieben Jahren Krieg und Revolution mit vier Bildern und drei Karten“.³ Этим автобиографическим произведением Георгу Лебзаку удалось создать памятник исчезающим ныне немцам Поволжья.

Писатель родился в селе Кобланофсфельд (Область Войска Донского). Его отец, **Генрих Лебзак**, проповедник адвентистов из немцев Поволжья, был литературно одаренным человеком. В 1938 г. он был уничтожен в одном из советских концентрационных лагерей. Его сын, которому в 1921 г. почти невероятным способом удалось эмигрировать в Германию, смог избежать этой участи.

¹ SCHLEUNING, J. (1918), S. 423-425. - SCHLEUNING, J. (1924), S. 22. - SCHLEUNING, J. (1924): *Die Autonome...*, S. 80-83.

² SCHLEUNING, J. (1919). - SCHLEUNING, J. (1922). - SCHLEUNING, J. (1927). - SCHLEUNING, J. (1930). - SCHLEUNING, J. (1932). - SCHLEUNING, J. (1932). - SCHLEUNING, J. (1933). - SCHLEUNING, J. (1952).

³ LÖBSACK, G.

Чрезвычайно одаренный, Лебзак уже в возрасте 14 лет, с 1907 по 1910 г., изучал теологию в семинарии адвентистов-миссионеров в Швейцарии, но после учебы против воли отца обратился к журналистике и работал во многих зарубежных немецких газетах. Из указанного выше произведения следует, что автор был журналистом в Лодзи, Москве и, до мобилизации в русскую армию, в Саратове в «Дойче Фолксцайтунг» (Deutsche Volkszeitung). Как в Москве, так и в Поволжье все громче раздавались русские националистические, а, точнее, антинемецкие голоса, которые были направлены и против «своих» немцев. В итоге немецкие газеты были запрещены. Лебзак призвали в армию, где он, подобно большинству российских немцев, сражался на Кавказском фронте. Здесь он заболел тифом и малярией.

Но не тяготы и лишения военной службы внутренне раздирали писателя, а душевный конфликт, который состоял в том, что он вынужден был сражаться против Германии. И хотя немцы Поволжья на Кавказе сражались преимущественно с турками, уже сам факт противостояния Германии и России, который Лебзак представил в литературной форме, воспринимался российскими немцами весьма болезненно..

Постепенно молодой писатель дистанцировался от религиозных представлений своих родителей и занял ярко выраженную национально-патриотическую позицию. Он обосновался в Берлине и стал издавать здесь журнал «Дер Волгадойче» (Der Wolgadeutsche), участвуя, наряду с такими общественными деятелями как Иоганнес Шлейнинг, в организации благотворительной помощи голодающему населению Поволжья.

Лебзак жил и в Магдебурге, где в 1924 г. временно редактировал газету «Дер Гарц». Под влиянием писателя и германиста Иосифа Понтена, с которым он поддерживал дружеские отношения,¹ Лебзак боролся за право немцев Поволжья на родину. Он, в частности, выступал против ассимиляции своиз земляков русскими и требовал возрождения их духа и культуры.

Также, как **Анна Янекке (Anna Janeske)**² и **Вальтер Бойе (Walter Boje)**,³ Лебзак реалистически изображает события, последовавшие за захватом большевиками власти. Это в особенности касается вооруженных, а точнее, полувооруженных, выступлений отчаявшихся крестьян и кровавых расправ с ними.⁴ Так, он описывает крестьянское восстание в Бальцере, которое, по его словам, «продолжительное время оставалось последним».⁵

Писатель также правдиво описывает свои душевные конфликты, связанные с сотрудничеством с большевиками. Это сотрудничество было для него, как и для многих других вышедших из среды немцев Поволжья интеллигентов, не оппортунизмом, а попыткой служения родине и своим землякам в дозволенной большевиками форме. Но с того момента, когда маленький большевистский диктатор Чагин объявил себя в Екатериненштадте «большевистским королем» - «Автономия немцев Поволжья – это я!» - Лебзак все чаще обращался к мысли распрощаться с Поволжьем. И он, наряду с Иоганнесом Шлейнингом и Анной Янеке, был одним из немногих интеллигентов из немцев Поволжья, которым удалось бегство из большевистского рая за границу.

¹ PONTEN, J. (1940): *Aus dem Briefwechsel...*, S. 3-8.

² JANECKE, A., S.

³ BOJE, W. (1936).

⁴ LÖBSACK, G., S. 301-325.

⁵ Атмосферу, установившуюся после восстания, Лёбзак описывает следующим образом: “Nicht nur die Menschen, die Zeit selbst schien eingeknickt zu sein. So öde und trostlos liegen leere Flussbetten da. Bleicher Sand darin. Rieselsteine. Reisige. Wo noch ein Tümpel ist, verdunstet er in der heißen Sonne. Die Luft steht still. Verwilderte Hunde streifen umher. Nur noch die flachen Uferländer gemahnen an die Wasser, die je und je das Land durchströmten. In der Wolgasteppe hin und her ein ächzender Bauernwagen. Kühe davor. Keine Pferde mehr. Oder auch Menschen, drei, vier. Sie ziehen den Wagen. Sie ziehen den Pflug.“, a. a. O., S. 326.

2.5. Иоганнес (Ганс) Гардер (Johannes (Hans) Harder – 1903-1987) был писателем, переводчиком, меннонитским проповедником и социальным педагогом. Этого филантропа и общественного деятеля можно по праву рассматривать в качестве писателя немцев Поволжья. Его предки (бабушка и дедушка) в 1878 г. переселились в Поволжье из дельты Вислы. Отец был кузнецом и успешно занимался импортом сельскохозяйственной техники. Во время первой мировой войны семья была выслана в Оренбург, а в 1928 г. покинула Россию и поселилась в Кенигсберге, где Гардер изучал экономику, сельское хозяйство, славистику и философию. Так как он покинул Россию в 15-летнем возрасте, его произведения были изданы только в Германии. В 1928 г. он даже основал собственное издательство. В 1933 г. Гардер примкнул к так называемой *bekennende Kirche*, т.е. к религиозному направлению, находившемуся в оппозиции к официальной церкви, сотрудничавшей с национал-социалистами. И поскольку многие меннонитские общины в северной Германии симпатизировали национал-социалистам, Гардер временно вышел из этой общности.

Во время второй мировой войны он был переводчиком на Украине, а после войны начал свою многолетнюю деятельность в качестве профессора социальных наук в педагогической академии (позже институте) в Вуппертале. Профессор Гардер постоянно будил в своих студентах чувство политической ответственности и призывал к социальному и экономическому переделу мира. Он верил в коммунизм на христианско-демократической основе и в конце своей жизни считал, что по своей идеологической платформе он ближе квакерам чем меннонитам. Но после ухода на пенсию все же проповедывал в меннонитской общине во Франкфурте. Гардер был активным, но, осознавая недостаточную общественную направленность своей церкви, не всегда ортодоксальным меннонитом. Он несомненно является одним из известнейших христианских социореформаторов в Германии.

Как писатель он обратил на себя внимание уже своим первым романом „In Wologdas weißen Wäldern (1934)“, который увидел свет под псевдонимом **Александр Шварц**. В этом произведении писатель изображает страдания немецких крестьян в России, которые в результате тотальной коллективизации были интернированы в большевистских концентрационных лагерях на побережье и островах Белого моря. С этих пор трагическая судьба российских меннонитов и немцев Поволжья является одной из главных тем его творчества. Основные произведения писателя приведены ниже.¹

2.5. После урагана

Начиная с 1941 г., российские немцы постепенно исчезли из общественной жизни страны. Депортированные в азиатскую часть СССР, лишенные имущества и всех гражданских прав, они даже после освобождения из-под комендантского надзора представляли собой деградировавшую и аполитичную группу общества. Зачатки литературного творчества на родном языке в послевоенный период наметились среди них лишь к 1957 г., когда в Москве начала вновь выходить немецкая газета под названием „Neues Leben“ (Нойесе Лебен). Но хотя большинство «советских немецких» писателей происходило из немцев Поволжья или имела «поволжские» корни, региональной литературы немцев Поволжья больше не существовало.² Даже само слово «Волга» на страницах «центральной» газеты на немецком языке было строго запрещено. Писатели-немцы Поволжья, а также их коллеги, которые начали свою писательскую деятельность еще до войны, вынуждены были приспособиться к этим условиям. Они стали писателями без родины.

¹ HARDER, H. (ohne Jahr). – HARDER, H. (1939). – HARDER, H. (1940). – HARDER, H. (1942). – HARDER, H. (1957).

² FRÖSCHLE, H.

Вполне естественно, что большинство литераторов, оставшихся к периоду так называемой «перестройки» в живых, в различной форме поддержали идею восстановления АССР НП, которая, однако, потерпела неудачу на почве разнузданного русского шовинизма, развязанного в Поволжье под руководством местной партийной номенклатуры. После этого начался неудержимый исход российских немцев в Федеративную Республику Германия, где многие авторы, выходцы из немцев Поволжья, уже успели заявить о себе. В этой связи могут быть названы **Рейнгольд Франк**,¹ **Венделин Мангольд**,² **Рейнгольд Лейс**,³ **Вальдемар Герман**,⁴ а также **Виктор Гейнц**,⁵ который представляется наиболее плодотворным и значительным из них.

3. Тема немцев Поволжья в произведениях писателей и критиков Германии

3.1. Иосиф Понтен (Joseph Ponten - 1883-1940) был писателем, критиком, германистом и географом. Он умер в возрасте 57 лет, не закончив своего главного произведения „Volk auf dem Weg“ (Народ в пути). В 1925 г. Понтен совершил поездку по Волге, которая очаровала его. В течение этой поездки он познакомился с немцами Поволжья. Писатель посетил их и пообещал им написать о них книгу. В результате он решил издать книгу, в которой попытался изобразить судьбу немцев за рубежом, проживающих за рубежом своей прародины

Обещанное произведение писатель закончил уже к концу того же года, но остался им недоволен. Поэтому он оставил свое сочинение незавершенным и занялся историей российских немцев, а именно преимущественно XVIII и XIX веками, в течение которых эта история началась и в которых они оставили свои заметные следы.

Четырнадцать лет своей жизни «Шрайбер», как его называли немцы Поволжья, затем посвятил работе над своим главным произведением. Так из первоначально задуманного романа «о Волге» родилось многотомное произведение «Volk auf dem Weg». **И.В. Дик** приводит эту серию романов, которая в сегодняшней форме состоит из шести книг, не в хронологической последовательности, а, сообразуясь с их содержанием, в следующем порядке, ср.:

1. „Die Väter zogen aus“. 2. „Die Heiligen der letzten Tage“. 3. „Der Zug nach dem Kaukasus“. 4. „Im Wolgaland“(1933). 5. „Rheinisches Zwischenspiel“(1938). 6. „Der Sprung ins Abenteuer“(1942).⁶ Последние три книги посвящены волжской тематике.

В романе „Im Wolgaland“ писатель описывает своих читателей в домах, семьях, школах и даже на полях, на которых немцы Поволжья борются за свое существование. Читатель не только знакомится с колонистами во время их досуга и в процессе работы, но и получает представление об их отношениях с представителями других народов, проживающих в Поволжье, получает представление об их образе мышления. И кто внимательно вникнет во все изображенные детали, очень скоро поймёт, что приволжский немецкий колонист, с одной стороны, еще не вжился окончательно в новую среду, но, с другой стороны, всё-таки значительно отделился от своей прародины. **Ф. Вейссингер** называет этот роман «Одиссеей зарубежных немцев».⁷ В 5-й и 6-й книгах Понтен приводит своего главного героя, шульмейстера Христиана Гейнсберга в незнакомую ему страну предков, культуру и образ жизни которых он

¹ FRANK, R. (1995). – FRANK, R. (1996). – FRANK, R. (1999).

² MANGOLD, W. (1998). – MANGOLD, W. (1999).

³ LEIS, R.

⁴ HERMANN, W.

⁵ HEINZ, V.

⁶ DYCK, J.W.

⁷ WEISSINGER, F., S. 134.

ощущает также ясно, как и свои собственные, хотя он и понимает, что ему не хватает знания немецкой культурной традиции.

Как в свое время П. Зиннер,¹ И. Понтен осознает возможность трагического конца немцев Поволжья.² Тем не менее, а может именно поэтому, он призывает их уделять больше внимания вопросам образования и развития культуры, с тем чтобы, таким образом, сформировались личности, способные возглавить народ и представлять его интересы. Призыв, который актуален еще сегодня...

Романы Понтена „Im Wolgaland“ и „Die Väter zogen aus“ были удостоены литературных премий. А газета „Die Königsberger Allgemeine Zeitung“ в свое время отметила, что Понтену удалось из «сотен деталей» создать яркую запоминающуюся картину жизни немцев Поволжья. «*Вся Россия вертится вокруг ядра картины, вся Германия живет в нем*».³ С этим трудно не согласиться.

3.2. Генрих Гримм (Heinrich Grimm – 1873-1944)

также относится к литераторам, затронувшим в своем творчестве «волжскую» тему. В 1917 г. он опубликовал в Гамбурге роман „**Zu viel Eisen**“. Автор начинает это произведение лирическим изображением Волги и её окрестностей. Остановившись на том, что на берегах Волги «*вокруг города мельниц*» Саратова в свое время поселились немецкие колонисты, Гримм подчеркивает, что они живут, «*строго*» дистанцируясь от всего русского, в том числе и от русского языка и русских обычаев, «*в мире голода*», как утверждает автор. При этом он подчеркивает красоту этого края и всей России, необъятную степь, огромную реку... Весеннюю приволжскую степь автор сравнивает с «*ковром цветов*», что напоминает посвященному читателю незабвенные картины Давида Куфельда, ср.:

...
Wo im Frühling aller Farben
Tulpen, überschüt't mit Garben
Goldner Strahlen, leuchtend blüh'n,
Bunte Schmetterlinge flattern,
Kraniche durch Lüfte zieh'n;

Lerchen trillern, Adler schweben,
Riesenspinnen Netze weben,
Wirbelwind das Feld behext,
Hexenkraut und Bärenklaue,
Ziegenbart und Fuchsschwanz wächst.

...

Вдали у горизонта гонит своих овец чабан, покрикивая «*Но куды, куды?*». Затем автор описывает тяжкий крестьянский труд, суровые климатические условия... Протагонист романа, Ганн Петер Вейл, попадает в Германию, но не находит здесь родины. Лишь замерзшее море удерживает его от возвращения в Петербург...

Он остается. Иногда ему кажется, что он освоился в Германии, но затем он всё чаще приходит к выводу, что приволжская степь и родная деревушка непреодолимо тянут его назад. Он хочет, но не может найти ответа на вопрос чабана «*Но куды?*». И этот вопрос был характерным для многих немецких интеллигентов, выходцев из Поволжья. Жизнь Ганса Петера Вейла заканчивается трагически: он погиб за Германию где-то в

¹ SINNER, P. (1922), S. 33-35.

² ДУСК, J.W., S. 113.

³ Zitiert nach „Bücher von Josef Ponten“. In: PONTEN, J. (1933): Im Wolgaland. Stuttgart/Berlin, S. 606.

восточных провинциях. И рассуждения Генриха Гримма о «чувстве долга каждого немца перед Германией», как кажется, ничего не меняют в этой трагедии.

3.3. Вальтер Бойе (Walther Boje)

О Вальтере Бойе известно не много. В Поволжье он попал в качестве военнопленного во время первой мировой войны, но задержался здесь и некоторое время проживал там и в послевоенный период. В 1930 г. он издал в Берлине свой историко-политический роман „Brand an der Wolga“. Это произведение представляет собой нечто большее, чем роман в обычном смысле слова. Это, скорее, написанный в форме романа отчет, основанный на действительных событиях, что позволяет сравнить его с названным автобиографическим романом Г. Лебзак. Это произведение В. Бойе, прежде всего, содержит богатые и важные источники о начальном периоде советской власти в России.

События, которые автор излагает в форме рассказа, он большей частью пережил сам. Вернувшись в Германию, Бойе стал делопроизводителем в Объединении (Verein) Немцев Поволжья в Берлине. Поскольку вся переписка организации с земляками проходила через его руки, он постоянно был информирован о событиях в Поволжье.

Менее известен и другой роман Бойе о Поволжье – „Heinrich Lorgast“, который также увидел свет в Берлине.¹

3.3. Резонанс

В 1937 г. **Генрих Манн** писал о принятии Конституции Немцев Поволжья следующее: „*Dies sind Deutsche. Sie besitzen die Freiheit, alle bürgerlichen Rechte, ihre wirtschaftliche Unabhängigkeit, politische Selbstbestimmung; und erzogen werden sie zu dem sozialistischen Humanismus, der die Menschenwürde selbst ist. Von den Wolgadeutschen, ihrem Besitz und ihrer Verfassung darf bei der deutschen Hauptmasse des Dritten Reiches die Rede nicht sein. Wer den Sender hört, erfährt dennoch: auch das ist deutsch.*“²

Что можно сегодня сказать по этому поводу? 1937 г., как известно, является кульминацией кровавой большевистской вакханалии. Сотни тысяч граждан СССР бесследно исчезали в лагерях ГУЛАГа. По самым скромным подсчетам на совести сталинского правительства минимум 20 миллионов человеческих жизней. О подлинном размахе этих проявлений «социалистического гуманизма» Генрих Манн мог, конечно, не знать. Но о том, что немцы Поволжья, принявшие в 1937 г. «свою конституцию», через четыре года после этого были лишены всех гражданских прав, «экономической независимости» и «политического самоуправления», не говоря уже о «человеческом достоинстве», что их всех, предварительно лишив средств к существованию, вышвырнули в Сибирь и Северный Казахстан, Генрих Манн наверняка знал. Но на этот счет великий гуманист не высказывался. Никогда. Так же, как и другие «пролетарские» писатели **Фридрих Вольф**, пьеса «Профессор Мамлок» которого была поставлена в г. Энгельсе, **Эрих Вайнерт**, **Иоганнес Роберт Бехерт** и другие, которых немцы Поволжья всегда с воодушевлением у себя принимали и которые временами находили у них приют. Они просто-напросто молчали. Возможно из-за пролетарской солидарности и «социалистического гуманизма» в духе Генриха Манна.

Во всяком случае, как в отношении ГДР, так и, с небольшими исключениями, к ФРГ говорить об изучении и содействии в сохранении литературы и культурного наследия

¹ BOJE, W. (ohne Jahr).

² MANN, H. (1937): „Это немцы. Они имеют свободу и гражданские права, свою экономическую независимость, политическое самоопределение; и воспитывают их в духе социалистического гуманизма, который является воплощением человеческого достоинства. О немцах Поволжья, их достоинствах и их конституции по отношению к главной немецкой массе Третьего рейха не может быть и речи. Но кто слушает радио, тем не менее, знает – это тоже по-немецки“.

немцев Поволжья до 1960-х гг. не приходится. То есть, в этом отношении ситуация здесь мало чем отличалась от положения в СССР, где российских немцев, предварительно ограбив и лишив всех гражданских прав, превратили в деградирующую маргинальную группу общества, наложив на все, что с связано с ними и их историей и культурой, строжайший запрет. Насколько мне известно, первая антология «советских немецких писателей» была опубликована в ГДР в 1982 г.¹

В ФРГ достойные упоминания исследования в области литературы российских немцев в послевоенный период появились начиная с 1970-х гг. В этой связи следует прежде всего назвать **Александра Риттера**,² **Вильгельма Шнейдера**,³ **Аннелору Энгель-Брауншмидт**.⁴

Для литературы немцев Поволжья, на мой взгляд, особое значение имеет детальное исследование так называемой «поэмы переселенцев» фон Платена, первого поэта немцев Поволжья, которую литературовед Энгель-Брауншмидт действительно прочитала «по-новому».⁵ Кроме того, немцы Поволжья обязаны этой исследовательнице новой публикацией «Михеля-Киргиза» (Kirgisenmichel) и «Дьякон Дейс». (Küster Deis).⁶

В предисловии к приведенному изданию исследовательница пишет: *„Es gibt bis heute – neben Liedern, Sprüchen, Schwänken – bei den Russlanddeutschen einige wenige erzählende Texte, in Vers oder Prosa, die nicht nur die Generationen miteinander verbinden, sondern auch die über Kasachstan, Russland, die Ukraine und andere Gebiete der ehemaligen Sowjetunion verstreut lebenden Deutschen. Die Russlanddeutschen kennen fast nie den genauen Titel dieser Erzählungen, noch weniger die genauen Inhalte, aber sie erinnern sich dunkel an das ‚Deißche‘, an das ‚Einwandererlied‘ oder den ‚Kirgisenmichel‘ (auch: Kirgisermichel), sie möchten diese Geschichten lesen, hören, neu erfahren. Und sie wundern sich, wenn ein Bundesbürger ihnen nicht weiterhelfen kann. Sie machen sich dabei kaum klar, dass die Deutschen in Russland und die Deutschen in der Bundesrepublik einem verschiedenen historischen und gesellschaftlichen Kontext angehören, der sich eben auch in der Dichtung niederschlägt.“*⁷

4. Научное сотрудничество. Содействие немецким ученым из Поволжья

Советы поначалу стремились пропагандировать также культурные и научные связи с Германией в качестве примера свободы и демократии в Немреспублике. Тем более, что международные благотворительные организации оказывали Поволжью ощутимую помощь в борьбе за ликвидацию последствий голода 1921/22 гг. Так, в 1922 г. медицинской спасательной комиссии Германского Красного Креста (DRK) разрешили заниматься борьбой с эпидемиями. **Д-р Отто Фишер**, представитель экспедиции в Саратове, подробно сообщает в журнале „Wolgadeutsche Monatshefte“ о мерах по

¹ GRÜNEWALD, L./M. LANIUS.

² RITTER, A. (1974), vgl. auch seinen Aufsatz in: Akzente, 1975, Heft 1, S. 46-47.

³ SCHNEIDER, W., a. a. O.

⁴ ENGEL-BRAUNSCHMIDT, A. (1991). – Dies. (1985). – Dies. (1993). – Dies. (1996).

⁵ ENGEL-BRAUNSCHMIDT, A. (1996).

⁶ ENGEL-BRAUNSCHMIDT, A. (1993).

⁷ «В настоящее время наряду с песнями, пословицами, шванками, у российских немцев сохранились некоторые эпические тексты в прозе и стихах, которые связывают не только поколения, но и немцы, рассеянных по Казахстану, России, Украине и другим регионам бывшего СССР. Российские немцы редко знают точное название этих рассказов, еще реже они знают их точное содержание, но смутно они помнят фрагменты этих произведений, им хочется прочитать эти произведения, услышать их, вновь пережить, и они удивляются, если их новые сограждане в ФРГ не могут помочь им в этом. При этом они, к сожалению, не могут понять, что немцы в России и немцы в ФРГ имеют различное историческое прошлое, которое, естественно, нашло свое отражение и в литературе».

борьбе с малярией.¹ Вместе с ученым-гигиенистом **Гейнцем Цейссом**, который позже работал в институте экспериментальной терапии и контроля сыворотки в Москве он поддерживал оживленные контакты с представителями немцев Поволжья, в том числе с учеными, пасторами, учителями, авторитетными крестьянами. Обсуждались при этом преимущественно меры, направленные на гигиеническое просвещение сельского населения. В процессе таких поездок по республике Фишер и Цейсс познакомились между прочими с этнографом и историком П. Зиннером и с профессором Г. Дингесом. ГПУ/ОГПУ ревниво и с большим подозрением наблюдало за такими контактами. Долго это, естественно, продолжаться не могло. В сентябре 1924 г. все сотрудники Германского Красного Креста вынуждены были оставить Советский Союз. Г. Цейссу позволили остаться в Москве еще до 1932 г. Для П. Зиннера и Г. Дингеса, между тем, эти контакты стали роковыми.

Визит руководителей Немреспублики И. Шваба и Й. Шёнфельда в 1926 г. в Германию положил начало оживленной переписке между „Deutsche Gesellschaft zum Studium Osteuropas“ (Германским Обществом Изучения Восточной Европы) и советскими учреждениями. Так, в одном из писем Общество сообщало Комиссариату просвещения, что с его согласия готово предоставить в распоряжение Немреспублики научную библиотеку из 900 книг.² Но хотя в Немреспублике ощущался острый недостаток в научной литературе на немецком языке, обком партии создал комиссию, которой было предписано тщательно проверить весь список приобретенной литературы. Комиссия пришла к выводу, что *«куплено много ненужной, дорогой, антикварной литературы в хороших переплётках»*. Из 601 наименования книг только 29 принадлежат перу современных писателей. Немецкий педагогический институт, по мнению комиссии, должен был готовить воспитателей с коммунистическими убеждениями, а данные книги в политическом отношении являются недопустимыми. (Известно при этом, что профессор Г. Дингес придерживался другого мнения. В одном из своих выступлений он заявил, что главной задачей института является подготовка учителей, а не революционеров. При таком подходе конфликт на идеологической почве был лишь вопросом времени). Имена Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Либкнехта, по мнению комиссии, встречались редко, в то же время представлены полное собрание протоколов социал-демократических съездов, анархистская и синдикалистская литература, в том числе такие авторы как Адлер, Бауэр, Каутский и др., что делает библиотеку бесполезной. Виновных за приобретение такого собрания комиссия предлагала привлечь к ответственности.³ «Виновные», конечно, были быстро установлены. Ими оказались ответственный за институтскую библиотеку профессор **Анатолий Сынопалов**, а также профессор Г. Дингес и П. Зиннер. 10 октября 1931 г. они предстали перед судом по обвинению в «шпионаже и поддержке международной буржуазии».⁴ С помощью таких методов весьма перспективные инициативы в области науки постоянно пресекались большевистскими функционерами.

Тем более удивительно, сколько в довоенной Германии было сделано в плане заботы о научном наследии немцев Поволжья. Большею частью это зависит от того, что между Германией и Немреспубликой наряду с официальными связями в области культуры и науки существовали также отношения с многочисленными негосударственными объединениями и фереями. Наиболее активными из них, наряду с уже указанным «Обществом по изучению Восточной Европы», были «Verein für das Deutschtum im Ausland», «Der Verein der Wolgadeutschen», «Das deutsche Auslandsinstitut». Эти организации публиковали в своих печатных органах и изданиях научные исследования

¹ FISCHER, O.

² GIANP. – F. 847 – Op. 1. – D. 294. – L. 52.

³ WASCHKAU, N.E., S. 110.

⁴ KRIEGER, V., S. 135-136.

об экономическом положении в Поволжье, а также материалы об истинных причинах невиданного в истории голода, обсуждали чисто формальный, фиктивный характер «конституции» немцев Поволжья и на многих примерах демонстрировали полную зависимость Немреспублики от Москвы во всех сферах.¹

Тем не менее, сотрудничество с немецкими диалектологами развивалось очень эффективно. Как известно, первую классификацию диалектов российских немцев произвел профессор **Вольф фон Унверт** (Грейфсвальдский университет).² Во время первой мировой войны он опросил военнопленных из России и сделал при этом диалектные пробы, анализ которых и послужил ему основой для указанной классификации, которую профессор Г. Дингес (Саратовский университет) затем во многом уточнил.³

Г. Дингесу в 1924 г. разрешили поездку в Германию, где его принял даже тогдашний президент Германии **Фридрих Эберт**. Летом и осенью того же года он провел два месяца в Марбурге, где познакомился с руководителем исследований по составлению Немецкого Языкового Атласа профессором **Фердинандом Вреде** и установил контакты с другими немецкими диалектологами. Кроме того, Дингес побывал в г. Ростоке и Берлине, где принял участие в работе нефилологического конгресса, на котором представлял СССР, и собрал материал для диалектологического словаря колоний немцев Поволжья.⁴ Визит Г. Дингеса положил начало плодотворному сотрудничеству между германскими и советскими немецкими диалектологами. Итоги этой кооперации подытожили **Гуго Едиг** и **Нина Беренд**.⁵ Они опубликовали, кроме того, библиографию научного наследия Г. Дингеса, в которой представлены также и работы ученого, опубликованные в Германии. На основе материала, собранного Г. Дингесом в 1925-1929 гг., в 1996 г. издан «Языковой Атлас Немцев Поволжья».⁶

В 1925 г. по инициативе Г. Дингеса и археолога П. Рау в г. Покровске (Энгельс) был основан краеведческий музей. Оба ученых стремились к созданию научного учреждения с библиотекой. В этом же году в музее были созданы отделы истории, этнографии и археологии. В 1926 г. был создан отдел природы, а в 1927 г. – искусства. Основу последнего отдела составляли десять картин, которые подарил музею художник **Яков Вебер**.

До 1929 г. ежегодно проводились этнографические и археологические экспедиции, цель которых состояла преимущественно в обогащении экспозиций музея новыми экспонатами. Свои печатные издания музей посылал в различные научные учреждения Германии, с которыми поддерживал интенсивные связи. Заведующий отделом археологии, а затем и директор музея - П. Рау – стал автором многочисленных работ (преимущественно с его же рисунками), получивших международную известность. Некоторые из них опубликованы и в Германии.⁷ В 1929 г. П. Рау был приглашен на международный конгресс, где он рассказал о работе архелогов в Поволжье. Многочисленные работы опубликовал в Германии и П. Зиннер.⁸

Увидевшие свет в Германии работы ученых Немреспублики представляют собой сегодня один из немногих источников по изучению истории культуры немцев Поволжья. Это, прежде всего, подтверждают многочисленные исследования в области истории и истории культуры немцев Поволжья, опубликованные начиная с 1980 гг.

¹ WASCHKAU, N.E., S. 111.

² UNWERTH, W.

³ DINGES, G. (1925). – JEDIG, H.H. (1994).

⁴ DINGES, G. (1927).

⁵ BEREND, N./H. JEDIG, S. 28-33.

⁶ BEREND, N./R. POST.

⁷ RAU, P.

⁸ SINNER, P. (1925/1926). – Ders. (1927). – Ders. (1924). – (1925).

5. Архитектура немцев Поволжья

Можно присоединиться к мнению архитектора **Генриха Гейдебрехта**, который указывает на обманчивое представление о незыблемости архитектурных памятников, по которым зачастую определяют следы человеческого бытия.¹ Во всяком случае, на территории бывшей республики немцев Поволжья в верности этого утверждения можно убедиться на каждом шагу. В самом деле, повсеместно бросаются в глаза руины немецких церквей, оскверненные немецкие могилы, кладбища, которые в большинстве случаев демонстративно сравнивали с землей. Впечатление такое, будто находишься в бывшей зоне боевых действий.

В столице бывшей АССР Немцев Поволжья памятная доска на бывшем правительственном здании Немреспублики напоминает лишь о том, что в 1950 г. здесь исполнял свои депутатские обязанности Илья Эренбург.² Будто бы в этом здании и в этом городе до 1950 г. не произошло ничего более важного. Будто не жили здесь в свое время известные немцы Поволжья – ученые, писатели, художники, из которых затем многие обрели мировую известность. Будто бы не немцы Поволжья воздвигли в этом городе многочисленные здания, начиная с правительственного, которые до сих пор налагают свой отпечаток на внешний облик города.

Произведения итальянских и французских архитекторов, созданных в России, хорошо известны по крайней мере на их родине.³ В Германии подобные исследования неизвестны. Исключение составляет приведенная выше работа Г. Гейдебрехта, который сделал попытку *«пройти по следам общественного феномена»*,⁴ то есть проследить активное участие немецких архитекторов в строительстве главных русских городов.

Что касается строительной культуры немцев Поволжья, то она является провинциальным феноменом и, как и собственно этническая группа немцев Поволжья, в настоящее время находятся в фазе полного распада. Поэтому можно только приветствовать тот факт, что в последнее и в Германии появились работы, в которых зафиксированы достижения немцев Поволжья в области архитектуры. В этой связи необходимо, прежде всего, упомянуть историка архитектуры **Сергея Терёхина**, который посвятил этой теме целый ряд статей и книг.⁵ К счастью, некоторые из этих работ увидели свет и в ФРГ, при этом в первую очередь следует назвать книгу *«Die deutsche Architektur an der Wolga»* (Немецкая архитектура на Волге).⁶ Автор подчеркивает, что в его книге представлены не шедевры архитектуры, а строения, которые немцы Поволжья создали в течение двух веков, судьба которых, как и их создателей, в большинстве случаев трагична. С. Терехин поэтому расценивает свое произведение в качестве *«мартиролога немецкой культуры на Волге»*. Особый интерес автор при этом уделяет истории архитектуры немцев Поволжья, взаимовлиянию немецкой и русской архитектуры XIX в., а также охране памятников.

Для описанного феномена С. Терёхин предлагает термин «Переселенческая архитектура» (Siedler-Architektur). Он считает, что этот термин выражает суть представленного им архитектурного явления, его природу и механизм его развития.⁷ Особенность переселенческой архитектуры, по мнению С. Терёхина, состоит в том, что

¹ HEIDEBRECHT, H., S. 9.

² Илья Эренбург в качестве политкомиссара прославился прежде всего своими фанатическими антинемецкими высказываниями человеконенавистнического характера. Так, он, как известно, утверждал, что «немцы не люди» и призывал насилловать немецких женщин, что он интерпретировал в качестве элемента перевоспитания.

³ GATTO, E. Lo. – REAU, L.

⁴ HEIDEBRECHT, H., S. 9.

⁵ ТЕРЁХИН, С. (1990). – Он же (1999). – Он же (1989). – Он же (1990).

⁶ TERJOCHIN, S. (1993).

⁷ TERJOCHIN, S. (1993), стр. 75.

она создана не знаменитыми архитекторами в столицах, а на 90 процентов состоит из строений, которые были в массовом порядке возведены в колониях необученными строителями. Исходным пунктом, образцом и источником при этом являлась архитектура немецких провинциальных городков и сёл, из которых происходило большинство переселенцев, в частности: сельские церкви, маленькие ратуши, школы и другие общественные здания и жилые помещения, т.е. строения так называемого «второго сословия». То есть речь идет не об уникальных, столичных и профессиональных постройках, а о традиционных. Далее ученый поясняет, что в Поволжье до поселения немцев не было профессиональных архитекторов, образцовых строений и архитектурной традиции. Уровень архитектуры был провинциальным. На этом основании С. Терёхин делает вывод, что переселенческая архитектура по сравнению с историческим способом строительства заняла «посредническую» позицию.¹

Среди поселений, которые отличались особенно оживленной хозяйственной и торговой деятельностью, а также качеством строительства, образцовым устройством и комфортом, С. Терёхин числит колонии Вейганд, Бальцер, Мариенталь, Екатериненштадт. Эти поселения в конце XIX века по сути дела превратились в города. Что касается колонии Сарепта, то исследователь справедливо называет её особым случаем и сравнивает её строительный план с готовым к выстрелу арбалетом: стрела – главная улица, аллея, проходящая через центр колонии и соединяющая общественный фруктовый сад с кладбищем; натянутая дуга – земляной вал, а сильная тетива – речушка Сарпа, образующая возле колонии острый изгиб и протекающая мимо виноградника. Центр Сарепты насчитывал девять квадратов, сгруппированных вокруг площади. Квадраты были разделены на владения, числом от трех до девяти, шириной от 11 до 13 клафтеров (саженей) и длиной от 14 до 18 клафтеров.²

Эта колония, основанная в 1765 г., постепенно слилась с Царицыном. Некоторые здания колонии сохранились. В июне 1996 г. праздничным богослужением вновь была освящена церковь, а в сентябре последовала передача дома церковной общины с немецкой библиотекой. Предполагалось, что во вновь реставрированных зданиях обоснуется община немцев Поволжья. Всё это стало возможным только благодаря поддержке министерства внутренних дел и Евангелической церкви Берлина-Бранденбурга.³

В 2000 г. Евангелическая Братская Община в Нойвиде, Федеральная Земля Рейнланд-Пфальц, отметила свой 250-й юбилей. Этот памятный день стал для общины поводом для открытия в окружном музее выставки «Архитектура богемских (моравских) братьев на Рейне и на Волге». Финансирование выставки и сопроводительной книги взял на себя округ Нейвид/Рейн.⁴ По замыслу организаторов выставка и книга должны послужить цели сближения Запада и Востока.

В 2004 г. в Ремсгальдене была издана книга Августа Лонзингера «*Sachliche Volkskunde der Wolgadeutschen*» (Этнография немцев Поволжья).⁵ А. Лонзингер был известным в Поволжье писателем и одним из активнейших общественных сотрудников Центрального музея АССР НП, привлеченных к этой работе Г. Дингесом. Названная книга Лонзингера вышла 77 лет после написания рукописи. Целая глава этой книги – *das Obdach* (жилище) – посвящена строительному делу немцев Поволжья. Публикация работы Лонзингера была совместным проектом Института Германских и Восточноевропейских исследований (Рабочая группа г. Гёттингена) и Филиала

¹ TERJOCHIN, S. (1993), S. 75-76.

² TERJOCHIN, S., *ebenda*, S. 27-28.

³ LAHR, R.

⁴ LAHR, R., S. 7.

⁵ LONSINGER, A.

Государственного архива Саратовской области в г. Энгельсе (в настоящее время Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе) и курировалась уполномоченным Федерального правительства по делам культуры и печати. Благодаря этому проекту удалось спасти рукопись Лонзингера, пылившуюся в архивах, для науки и будущих поколений.

6. Изобразительное искусство

В 1920-е годы общество «Gesellschaft der Freunde des neuen Russland» издавало в Берлине журнал «Das neue Russland». В № 1 журнала за 1926 г. опубликована статья «Наше изобразительное искусство» (Наше изобразительное искусство). **Г. Ганзена**. Автор статьи между прочими называет имя **Карла Кюгелгена**, родившегося в Германии в Рейнской области. В начале XIX в. он двадцать лет прожил в Поволжье в колонии Антон, где создал целый ряд картин, посвященных природе и жизни в немецких колониях.¹

Превосходным пейзажистом по преданию был **Иоганнес Вельц**, который родился в 1866 г. в Саратове. После учебы в Академии художеств в Петербурге он жил преимущественно в Крыму. Поэтому тематически его картины связаны главным образом с окрестностями Петербурга и Крыма.

Г. Лебзак пишет, что после 1917 г. впервые возникли изображения «голов немцев Поволжья». В качестве «первого художника» среди немцев Поволжья Лебзак называет уже упомянутого нами писателя В. Бойе. Во всяком случае, рисунки Бойе, как и его стихи, позже сослужили хорошую службу в процессе кампании по оказанию помощи голодающим в Поволжье, которая проводилась в Германии и Америке.²

Во всей России и даже за её рубежами были известны художники **Йозеф Граф** и **Якоб Вебер**, выходцы из колониальных низов. Но если имя Я. Вебера в какой то мере еще известно,³ то большинство художников, происходящих из немцев Поволжья, неизвестны ни в Германии, ни самим немцам Поволжья.

В ФРГ немецкие художники из России объединены в рабочей группе «Изобразительное искусство» в рамках Землячества немцев из России, председателем которой вот уже десять лет является художник **Виктор Ланг**. Некоторым художникам этой группы уже удалось заявить о себе и на новой родине, в частности, в процессе художественного оформления городов, в которых они сейчас живут.⁴ Художники из России, которых поддерживают города, общины и благотворительные организации, организуют в Германии выставки,⁵ их творчество пропагандируется также в различных каталогах.⁶ Биографии этих художников свидетельствуют о том, что они происходят из различных областей и регионов развалившейся советской империи, в частности, из Казахстана и Сибири, и значительно различаются как своим художественным развитием, так и целями, которые они перед собой поставили. Многие из них являются немцами Поволжья или происходят от них, но считают ли они себя сами таковыми и играет ли «волжская» тематика в их произведениях какую-либо роль, на основании их произведений однозначно установить трудно.

7. Музыка

7.1. Песни немцев Поволжья в Германии

¹ HANSEN, H.

² LÖBSACK, G., S. 275-276.

³ SOLOV'JOVA, I., S. 196 – 228.

⁴ KORN, R. (2004), S. 106 – 110. – Ders. (2004), S. 111-121.

⁵ TZIOLNIKOFF, T.

⁶ ENGEL-BRAUNSCHMIDT, A. (1992). – TEPPERT, K.

Исследование песенного фонда немцев из России имеет более, чем столетнюю традицию.⁷ Оно проводилось не только в России, но и в Германии и в целом ряде стран Северной и Южной Америки, в которых поселились переселенцы из Поволжья.¹ **Иоганн Виндгольц** считает, что фольклористика российских немцев начинается со сборника «*Volkslieder und Kinderreime aus den Wolgakolonien*», которые были собраны Иоганнесом Эрбесом и Петром Зиннером и в 1914 г. изданы в Саратове с приложением, состоящим из загадок.²

Хрестоматийными в области исследования песенного фонда российских немцев являются книги и сочинения **Георга Шюнеманна**.³ Его сборник «*Kolonistenlieder*» состоит из 434 песен (с нотами) из всей России, которые автор во время первой мировой войны записал в исполнении пленных российских немцев. В работах Шюнеманна красной нитью проходит мысль о том, что русская манера исполнения оказала сильное влияние на немецкие песни в России.⁴

Виктор Жирмунский подверг сомнению идею влияния «русской манеры исполнения», считая, что более свободная манера исполнения, которая между прочим выражается в пении с мелодическими украшениями (мелизмами), была распространена и на прародине колонистов. И. Виндгольц присоединяется к этой точке зрения.⁵

Несмотря на то, что собрание «колонистских песен» Шюнеманна является непременным условием для изучения немецкого песенного фонда, следует отметить, что в его собрании зачастую соседствуют песни из различных областей проживания колонистов, так что выделить из данного собрания, к примеру, песни из Поволжья порой не просто.

В Поволжье Г. Дингес и П. Рау продолжили деятельность по сбору песенного фольклора, начатую И. Эрбесом и П. Зиннером. Одним из итогов их работы явился сборник «*Wolgadeutsche Volkslieder mit Bildern und Weisen*», которые были иллюстрированы П. Рау и при поддержке Немецкой Академии и Немецкого Архива Народных песен в 1932 г. изданы Г. Дингесом в Берлине и Лейпциге.⁶ Книга содержит 50 народных песен из различных сёл Немреспублики и семь иллюстраций Пауля Рау. Некоторые песни из этого сборника в 1989 г. по моей инициативе были опубликованы в газете «*Freundschaft*».⁷ С помощью посольства ФРГ в Москве эта книга в 1996 г. была издана вновь.

Уже в 1926 г. в Саратовском университете была представлена к защите диссертация Зинаиды Потуловой «*Armut und Reichtum im wolgadeutschen Volkslied*», отзыв на которую написал Г. Дингес. Работа представляет особый интерес в плане анализа текста с социологической точки зрения. К сожалению, опубликован только отрывок из этой работы.⁸

С 1935 г. по 1937 г. на Волге в рамках фольклорных экспедиций под руководством писателя Андреаса Сакса было собрано и положено на ноты 90 песен. В этих экспедициях, задачей которых являлся сбор фольклора советского периода, принимали участие Виктор Клейн и Готтфрид Шмидер.⁹

Во время второй мировой войны и десятилетия после него в Советском Союзе по известным причинам немецкие песни больше не звучали. В специальных журналах

⁷ EISFELD, A. (1989).

¹ KORN, R. – Ders. (1994). – Ders. (1998). – Ders. (2000).

² ERBES, J./P. SINNER.

³ SCHÜNEMANN, G. (1923). – Ders. (1923): *Kolonistenlieder...* – Ders. (1924). – Ders. (1925).

⁴ Zitiert nach KEIL, R. (1982-1984), S. 180.

⁵ WINDHOLZ, J. (1983), S. 255-256.

⁶ DINGES, G. (1932).

⁷ KORN, R. (1989): Nr. 62, S. 4 u.a., jeweils S. 4.

⁸ POTULOVA, Z. (1926/27).

⁹ STÖCKL, E. (1993), S. 167.

исчезли статьи, посвященные песенному фольклору российских немцев. Но после упразднения комендантского надзора в местах компактного проживания российских немцев (в ссылке) по инициативе некоторых энтузиастов вновь были созданы немецкие хоры и театральные коллективы. В связи с этим появилась потребность в немецких песенниках. Поскольку приобретение таких песенников за рубежом, и особенно в капиталистических странах, исключалось, появились первые послевоенные сборники таких песен в СССР.

Заметным явлением в фольклористике российских немцев стал вышедший в Германии сборник песен «Russlanddeutsches Liederbuch», который Александр Шваб издал по поручению Землячества немцев из России. Об этом, кстати, сообщил в газете «Deutsche Allgemeine» известный музыковед д-р Эрнст Штёкль.¹

Данный сборник состоит из 178 песен из всех областей, «в которых немцы жили до и после изгнания Сталиным или частично живут и в настоящее время».² Песенник, составленный Александром Швабом, состоит преимущественно из песен, заимствованных из указанных выше собраний. Как справедливо указывает Штёкль, этот сборник вновь сделал доступным для общественности источники российских немцев, «которые в настоящее время купить больше невозможно, а в библиотеках можно разыскать только с большим трудом».³ Это, конечно, верно. Но следует также отметить, что сборник состоит из песен, которые возникли или были распространены в различных регионах компактного проживания российских немцев без принятой в таких случаях ссылки на соответствующий ареал их распространения. Кроме того, отсутствует последовательная дифференциация народных песен, которые немцы «привезли с собой в Россию», и таких, которые позже были созданы ими в новых условиях или «импортированы» из Германии. Характерно, что в собрании Дингеса и Рау также указаны лишь села, в которых соответствующие песни были записаны. Где они возникли, остается для непосвященного читателя загадкой. Для посвященного тоже. Это касается и песенника «Deutsche Lieder aus Russland», который создают впечатление, что **все** опубликованные здесь песни возникли в Казахстане или Сибири.³ Несмотря на эти недостатки указанные работы могут вызвать интерес новых исследователей, которые, несомненно, раставят все точки над «і». В этом их положительное значение.

7.2. Последний из могикан

В 1992 г. Эрнст Штёкль по поручению Землячества немцев из России издал последний сборник песен **Фридриха Дортмана**.⁴ Последний, потому что в 1999 г. композитора не стало.

В 1991 г. Дортманн писал музыковеду Э. Штёклю: „*Leider war uns nicht die Möglichkeit gegeben, etwas Vollkommneres, etwas von größerer Bedeutung zu schaffen. Aller Anfang ist eben schwer! Ich wünschte mir, dass unsere jungen Menschen die Probleme unserer nationalen Kultur auf eine höhere Stufe bringen würden.*“⁵ При этом следует помнить, что в различных источниках неоднократно подчеркивалось, что немцы Поволжья были необычайно музыкальными. Это подтверждают уже одни только сборники их песен, вышедшие в Германии. Известно также, что только **Готфрид**

¹ STÖCKL, E. (1991), S. 4.

² SCHWAB, A. (1991): *Russlanddeutsches Liederbuch, herausgegeben im Auftrag der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland auf Grund der Sammlungen von Mathias Trausch, Johann Windholz, Oskar Geilfuß, Georg Dinges, Konrad Scheierling, Viktor Klein, Georg Schünemann*

³ FISCHER, J.

⁴ DORTMANN, F. (1992).

⁵ STÖCKL, E. (1993), S. 195.

Шмидер записал для Центрального музея Немцев Поволжья около 700 песен.⁶ Чрезвычайно богатой была и инструментальная музыка этой этнической группы.⁷

Приведенная цитата Дортмана требует еще одного дополнения: музыковеды очень часто забывают о том, что один из самых значительных композиторов современности **Альфред Шнитке** родился и провел свое детство в Энгельсе. **Проф. д-р Герд Ринеккер** характеризует Шнитке как композитора, который *«одновременно является русским немцем и европейцем, независимо от того, какие особые национальные традиции он в себе воплощает»*.¹

Мне трудно судить о том, насколько Альфред Шнитке считал себя «русским» и «европейцем», равно как и о том, насколько он разделял идеологические доктрины германских «мульти-культы», из которых вытекает приведенная цитата. Бесспорно одно – происходящий из немецко-еврейской семьи композитор (его отец был еврейским эмигрантом) никогда не отрицал и свою кровную привязанность к немцам Поволжья. Творчество этого известнейшего в Европе композитора **Тамара Бурде** рассматривает в книге, которая была издана по инициативе Землячества немцев из России² и которая предоставляет читателю возможность познакомиться с жизнью и творчеством большого художника, на произведения которого в СССР еще недавно был наложен запрет, но который, несмотря на это, в настоящее время пользуется мировой известностью.

Но вернемся еще раз к сборнику песен Ф. Дортмана. Тексты его песен преимущественно принадлежат перу немецких лириков из Поволжья и частично затрагивают такие актуальные проблемы современности как охрана внешней среды и разоружение. В предисловии к песеннику Э. Штёкль пишет: *„Dormanns Lieder stellen Miniaturen dar, die sorgfältig und liebevoll gearbeitet sind. Der Komponist erfindet einfache, gesangliche und einprägsame Melodien, erarbeitet dazu eine Klavierbegleitung, in der er die modulatorischen Möglichkeiten der Gesangstimme voll auszuschöpfen sucht, und bedient sich dabei gelegentlich auch überraschender harmonischer Wendungen. Dormanns Kompositionsweise ist volkstümlich (dafür spricht allein schon eine gewisse Bevorzugung des Walzerrhythmus), seine Tonsprache will ein breites Publikum erreichen, auf moderne musikalische Ausdrucksmittel und Experimentieren wird vollständig verzichtet. Anklänge an das Wiener- und Filmlied der 1930er Jahre sind nicht zu überhören.“*³ Как только это стало возможным, песни композитора успешно зазвучали в концертных залах и на радио. А его песня „Wenn Geschütze verstummen“ была записана на пластинку.⁴ Пользовались популярностью также песни Дортмана из сборника „Kraniche“.⁵

Детские песни удались композитору не в последнюю очередь из-за того, что он тщательно подбирал для них подкупающие своей искренностью и непосредственностью тексты, в том числе и стихи своих земляков-волжан **Розы Пфлуг, Рейнгольда Франка, Вольдемара Гердта, Давида Йоста**.

Композитор мечтал о том, что эти песни будут петь и в школах восстановленной республики немцев Поволжья. Во всяком случае, песни свои он сочинял преимущественно для молодежи. Его мечте не суждено было сбыться.

В немецких газетах бывшего СССР было опубликовано более 200 песен Ф. Дортмана. В 1980-х годах некоторые из этих песен были включены в различные сборники.

⁶ ВИНДГОЛЬЦБ И.П. (1996).

⁷ МАКСИМОВ, С.Е.

¹ REINÄCKER, G.

² BURDE, T.

³ STÖCKL, E. (1992), S. 5.

⁴ Фирма «Мелодия». Мина Вагнер с оркестром Казахского радио под управлением А. Гурьянова.

⁵ DORTMANN, F. (1984).

Последний сборник песен композитора увидел свет в Германии. Он называется „Olga von der Wolga“. И это не случайно – Фридрих Дортман был немцем Поволжья.

2005

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ВИНДГОЛЬЦ, И.П. (1996): О создателях сборника «Народные песни немцев Поволжья с мелодиями и иллюстрациями» (*Über die Schöpfer des Sammelbandes „Volkslieder der Wolgadeutschen mit Melodien und Illustrationen“*). Москва, стр. 8–20.

ВИНДГОЛЬЦ, И.П. (1996): О создателях сборника «Народные песни немцев Поволжья с мелодиями и иллюстрациями» (*Über die Schöpfer des Sammelbandes „Volkslieder der Wolgadeutschen mit Melodien und Illustrationen“*). Предисловие к названному сборнику. Москва.

ДИНГЕС, С. (1996): Народные песни немцев Поволжья с мелодиями и рисунками. (*Volkslieder der Wolgadeutschen mit Melodien und Zeichnungen. Gefördert durch die Botschaft der Bundesrepublik Deutschland in Moskau*). Moskau.

ГЕРМАН, А. (1994): Немецкая автономия на Волге. (*Die Deutsche Autonomie an der Wolga, Teil 1*), Саратов, стр. 83-92.

ИОФФЕ, А.Е. (1975): Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917-1932. (*Internationale Beziehungen der Sowjetwissenschaft, Technik und Kultur 1917-1932*). Москва.

КУЗЬМИН, М.С. (1971): Деятельность партии и советского государства по развитию международных связей СССР 1917-1932. (*Die Tätigkeit der Partei und des Sowjetstaates zur Entwicklung internationaler Beziehungen der UdSSR 1917-1932*). Ленинград.

МАКСИМОВ, С.Е. (1939): Народная музыкальная культура немцев Поволжья. (*Volksmusik der Wolgadeutschen*). Москва.

РЯБИЧЕНКО, С.А. (2002): Погромы 1915 года. Три дня из жизни неизвестной Москвы. (*Pogrome des Jahres 1915. Drei Tage aus dem Leben des unbekanntes Moskau*). Москва.

ТЕРЁХИН, С.О. (1990): Века и камни. Памятники архитектуры Саратовской области. (*Jahrhunderte und Steine. Architekturdenkmäler im Gebiet Saratow*). Саратов.

ТЕРЁХИН, С.О. (1999): Поселения немцев в России. Архитектурный феномен. (*Deutsche Siedlungen in Russland. Architektonisches Phänomen*). Саратов.

ТЕРЁХИН, С.О. (1989): Дважды переселенные. (*Zweimal umgesiedelt*). В журнале „Волга» (Саратов), Nr. 7, стр. 131-143.

LITERATURVERZEICHNIS

BEREND, N./H. JEDIG (1991): *Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie.*

BEREND, N./R. POST, Hrsg.(1996): *Wolgadeutscher Sprachatlas. Tübingen/Basel.*

BÖTTGER, Chr. u.a. (2000): *Lexikon zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. Berlin, Teil I.*

BOJE, W. (ohne Jahr): *Heinrich Lorgast. Roman von der Wolga. Berlin.*

BURDE, T. (1993): *Zum Leben und Schaffen des Komponisten Alfred Schnittke*. Kludenbach.

DINGES, G. 1925: *Zur Erforschung der wolgadeutschen Mundarten*. *Teuthonista*, Jg. 1, H. 4 vom 1.07., S.4 ff.

DINGES, G. (1927): *Wissenschaftliche Dialektforschung in der Autonomen Republik der Wolgadeutschen*. In: *Wochenbericht der Gesellschaft für kulturelle Verbindung der Sowjetunion mit dem Auslande*. Pokrowsk, Nr. 11-12.

DINGES, G., Hrsg. (1932): *Wolgadeutsche Volkslieder mit Bildern und Weisen*, herausgegeben mit Unterstützung der Deutschen Akademie und des Deutschen Volksliedarchivs. Bilder von Paul Rau. Berlin/Leipzig.

DÖNNINGHAUS, V. (2002): „Hexenjagd“ in Moskau. In: *Damals*. Das Magazin für Geschichte und Kultur, Nr. 7, S. 63 - 66.

DORTMANN, F. (1992): *Olga von der Wolga. Lieder im Volkston mit Klavierbegleitung*, herausgegeben im Auftrag der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland von Ernst Stöckl. Kludenbach.

DYCK, J.W. (1962): *Zum Motiv der Umwertung von Kulturgütern: Ponten*. In: *Heimatbauch der Deutschen aus Russland*. Stuttgart, S. 110 - 118.

EISFELD, A. (1989): *Kultur- und Lebensformen der Deutschen in der Sowjetunion – Traditionelles und Neues in der Diaspora*. In: *Referate der Kulturtagung der Deutschen aus Russland/UdSSR vom 20. bis 22. Oktober 1989 in Bad Herrenalb*. Stuttgart, S. 130 – 151.

EKKERT, W. (1981): *Die Literatur der Russlanddeutschen bis 1917 und der Sowjetdeutschen von 1917 bis 1957*. In: *Kontschak, E./K. Ehrlich, (Auswahl). Anthologie der sowjetdeutschen Literatur*. Alma-Ata, Bd. 1, S. 26.

ERBES, J./P. SINNER (1914): *Volkslieder und Kinderreime aus den Wolgakolonien*. Mit einem Anhang von Rätseln. Saratov,

ENGEL-BRAUNSCHMIDT, A. (1991): *Besonderheiten der Entwicklung der sowjetdeutschen Literatur*. In: *Die Deutschen in der Bruderfamilie der Sowjetvölker*. [Texte einer Konferenz von 1989]. Alma-Ata, S. 69-83.

ENGEL-BRAUNSCHMIDT, A. (1985): „Zweig eines großen Baumes.“ *Die Literatur der deutschen Minderheit in der Sowjetunion*. In: A. RITTER (Hrsg.), *Die deutschsprachige Literatur im Ausland*. Göttingen, S. 127-145.

ENGEL-BRAUNSCHMIDT, A. (1993): *Russlanddeutsches Schrifttum heute*. In: *Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen*. Newsletter 3. Jg., 1993, S. 44-48.

ENGEL-BRAUNSCHMIDT, A. Red. (1992): *Deutsche Künstler aus Russland*. Berlin/Bonn.

ENGEL-BRAUNSCHMIDT, A., Hrsg. (1993): *Siedlernet und Dorfidyll. Kanonische Texte der Russlanddeutschen*. Berlin/Bonn.

ENGEL-BRAUNSCHMIDT, A. (1996): *Bernhard Ludwig von Platens Einwandererlied – neu gelesen*. In: *Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen*. Essen, Nr. 6, S. 137 – 154.

FISCHER, J. Hrsg. (ohne Jahr): *Deutsche Volkslieder aus Russland. Russlanddeutsche Volkslieder aus Kasachstan und Sibirien*. Stuttgart.

FISCHER, O. (1923): *Die Bedeutung der Malaria für das deutsche Gebiet an der Wolga und die Maßnahmen zu ihrer Bekämpfung*. In: *Wolgadeutsche Monatshefte*, Jg. 2, Nr. 7/8, S. 97-98; Nr. 9/10, S. 127-128.

FRANK, R. (1995): *Heimkehr*. Wien. – Ders. (1996): *Gedichte, Geschichten und Märchen*. Wien. – Ders. (1999): *Ruf der Ahnen*. Frankfurt/Main.

FRÖSCHLE, H. (2006): *Nach der Zeit des Schweigens. Wolgadeutsche Autoren in russlanddeutschen Anthologien*. In: *Jahrbuch für Internationale Germanistik*, Jg. XXXVII – Heft 2, S. 84 – 89.

- GATTO, E. Lo (1943): *Gli architetti del secolo XIX a Pietroburgo e nelle tenute imperiali*. Roma. – Ders. (1934): *Gli artisti italiani in Russia*. Roma.
- GRÜNEWALD, L./M. LANIUS (1982): *Zehn sowjetdeutsche Erzähler*. Berlin [Auswahl].
- HANSEN, H. (1926): *Unsere darstellende Kunst*. In: *Das neue Russland*. Berlin, Nr. 1.
- HARDER, H. (ohne Jahr): *Das Dorf an der Wolga. Ein deutsches Leben in Russland*. Stuttgart.
- HARDER, H. (1939): *Die Muschel*. In: *Deutsche Post aus dem Osten*, Nr. 8/9, S. 18/19.
- HARDER, H. (1940): *Die Heimfahrt des Kolonisten*. In: *Deutsche Post aus dem Osten*, Nr. 1, S. 1 - 12.
- HARDER, H. (1942): *Die vier Leiden des Adam Kling. Eine wolgadeutsche Geschichte*. Berlin.
- HARDER, H. (1957): *Die Auswanderung des Christian Schrott*. In: *Heimatbuch der Deutschen aus Russland*. Stuttgart, S. 192-196.
- HEIDEBRECHT, H. (1996): *Deutsche Baumeister in Russland. 18. Jahrhundert*. Stuttgart, S. 9.
- HEINZ, V. (1996): *In der Sackgasse. Roman*. Stuttgart.
- HERMANN, W. (1989): *Erzählungen*. Stuttgart.
- HERMANN, W. (1996): *Erzählungen*. Bonn.
- JANCKE, A. (1937): *Wolgadeutsches Schicksal. Erlebnisse einer Auslandsdeutschen, die sich aus dem Untergang ihrer vom Bolschewismus vernichteten Heimat retten konnte*. Leipzig.
- JEDIG, H. (1994): *Die deutschen Mundarten in der Sowjetunion*. In: *Sprachinselforschung. Eine Gedenkschrift für Hugo Jedig*. Frankfurt am Main, S. 11 – 17.
- KEIL, R. (1982-1984): *Über das Volkslied der Wolgadeutschen*. In: *Heimatbuch der Deutschen aus Russland*. Stuttgart, S. 175 - 193.
- KEIL, R./W. HERDT (1993): *Über Victor Klein und seine Zeit*. Mannheim.
- KEIL, R. (1994): *Russlanddeutsche Autoren. Weggefährten, Weggestalter 1764-1990*. Mannheim.
- KORN, R. (1989): *Man muß eilen!* In: *Deutsche Allgemeine*, Nr. 189, S. 4.
- KORN, R. (1991): *Unsere Mundarten. Geschichte, Forschungsergebnisse, heutiger Stand*. In: *Freundschaft*, Nr. 200, 202, 218, 223, 229, 234, 239, jeweils S. 4.
- KORN, R. (1992): *Umschau. Das geistliche Lied der Russlanddeutschen*. In: *Musik und Kirche*, Kassel, Nr. 5, S. 276 – 278.
- KORN, R. (1994): „Tränen hab’ ich viele...“ *Das Volksliedgut der Russlanddeutschen*. In: *Der Heimatpfleger. Zeitschrift für Volkstanz, Volksmusik, Brauchtum und Heimatpflege*. Stuttgart, Nr. 3, S. 12 – 24.
- KORN, R. (1998): „Behüt mich, Herr, vor falscher Lehr...“ *Das religiöse Leben und geistliche Liedgut der Russlanddeutschen*. In: *Heimatbuch der Deutschen aus Russland*. Stuttgart, S. 179 -189.
- KORN, R. (2000): *Unverlierbarer Besitz. Das Volksliedgut der Deutschen aus Russland*. In: *Heimatbuch der Deutschen aus Russland*. Stuttgart, S. 272 – 285.
- KORN, R. (2004): „Mein Gewissen fordert mich immer wieder auf...“ In: Ders. *Unbekannte im Westen. Porträts der Landsleute*. Omsk, S. 106 – 110.
- KORN, R. (2004): *Die Schranken der Heimatlosigkeit*. – In: Korn, R. *Unbekannte im Westen. Porträts der Landsleute*. Omsk, S. 111 – 115.
- KORN, R. (2004): „Das Holz liegt uns im Blut“. – In: Korn, R. *Unbekannte im Westen. Porträts der Landsleute*. Omsk, S. 116-119.
- KORTWICH, W. (ohne Jahr): *Friesennot. Erzählung*. Leipzig.
- KRIEGER, V. (2006): *Der erste Geheimprozess gegen wolgadeutsche Intellektuelle*. In: *Jahrbuch für internationale Germanistik. Jahrgang XXXVIII – Heft 2*. Bern, Berlin..., S. 108.

- LAHR, R. u.a. Red. (ohne Jahr): *Herrnhuter Architektur am Rhein und an der Wolga*. Koblenz.
- LEIS, R. (ohne Jahr): *Das Tier-Alphabet von A-Z*. Landshut.
- LONSINGER, A. (2004): *Sachliche Volkskunde der Wolgadeutschen*. Hrsg. und Bearb. Victor Herdt. Remshalden.
- MANGOLD, W. (1998): *Rund um das Leben. Gedichte*. Stuttgart.
- MANGOLD, W. (1999): *Russlanddeutsche Literatur. Lesebuch*. Stuttgart.
- MANGOLD, W., Red. (2007): *Festschrift zum 70. Geburtstag von Viktor Heinz. Leben und Werk*. Bonn.
- MANN, H. (1937): *Die Demokratie der Wolgadeutschen*. In: *DZZ vom 04.06., Moskau*, Nr. 126 (Abdruck aus „Die neue Weltbühne“).
- PINKUS, B./I. FLEISCHHAUER (1987): *Die Deutschen in der Sowjetunion. Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert*. Bearbeitet und herausgegeben von Karl-Heinz Ruffmann. Baden-Baden.
- PONTEN, J. (1930): *Wolga, Wolga*. Berlin/ Leipzig.
- PONTEN, J. (1933): *Im Wolgaland*. Stuttgart/Berlin.
- PONTEN, J. (1937): *Rheinisches Zwischenspiel*. Berlin.
- PONTEN, J. (1940): *Aus dem Briefwechsel Georg Löbsack und Josef Ponten*. In: *Deutsche Post aus dem Osten vom 12. Mai*, S. 3 - 8.
- PONTEN, J. (1942): *Der Sprung ins Abenteuer*. Stuttgart, Berlin.
- POTULOVA, Z. (1926/27): *Armut und Reichtum im wolgadeutschen Volkslied*. In: *Teuthonista* 3, S. 165-170 und *Teuthonista* 4, S. 262 - 274.
- RAU, P. (1925): *Kurgane und Altertumsfunde in der Vorstellung der wolgadeutschen Bauern*. In: *Hessische Blätter für Volkskunde*, Nr. 23, S. 39 - 45.
- REAU, L. (1924): *L'histoire de l'expansion de l'art français moderne, le monde slave et l'orient*. Paris.
- REINÄCKER, G. (1993): *Vorrede zum Buch „Zum Leben und Schaffen des Komponisten Alfred Schnittke“*. Kludenbach.
- RICHTER, H. (1926): *Aus der Wolgadeutschen Sowjetrepublik*. Berlin, S. 26.
- RITTER, A. (1974): *Nachrichten aus Kasachstan. Deutsche Dichtung in der Sowjetunion*. Hildesheim/New York. (Vgl. auch seinen Aufsatz in: *Akzente*, 1975, Heft 1, S. 46-67).
- SINNER, P. (1922): *Ein untergehendes Volkstum. Zuschrift von Peter Sinner an die „Wolgadeutschen Monatshefte“ vom 1. Dezember* In (1985-1989): *Heimatbuch der Deutschen aus Russland*, S. 33 - 35.
- SINNER, P. (1923): *Die Wolgasteppe*. In: *Wolgadeutsche Monatshefte*, 2. Jg., Berlin, S. 316 ff.
- SINNER, P. (1924): *Der Wolgadeutsche*. In: *Deutsche Welt* 5, S. 149 - 151.
- SINNER, P. (1925): *Aus den deutschen Wolgakolonien*. In: *Reform. Kirchenzeitung* 75.
- SINNER, P. (1925/1926): *Bernhard Ludwig von Platen, der erste wolgadeutsche Dichter und sein Gedicht*. In: *Teuthonista*, S. 270 - 286. *Gedicht: Reise-Beschreibungen der Kolonisten wie auch Lebensart der Russen, von Offizier Platen*.
- SINNER, P. (1927): *Der Deutsche im Wolgaland*. Langensalza: Beltz.
- SCHLEUNING, J. (1918): *Die bolschewistische Schreckensherrschaft in den deutschen Siedlungen des Wolgagebietes*. In: „Das Deutschtum des Auslands“, Berlin, Heft 38, S. 423 - 425.
- SCHLEUNING, J. (1919): *Die deutschen Kolonien im Wolgagebiet*. (Schriften zum Selbstbestimmungsrecht der Deutschen 9). Berlin. – Ders. (1922): *Aus tiefster Not*. Berlin.
- SCHLEUNING, J. (1924): *Muttersprache*. In: *Deutsches Leben in Russland*. Berlin, Nr. 51/52. S. 22-30.
- SCHLEUNING, J. (1924): *Die Autonome Sowjetrepublik der Wolgadeutschen*. In: „Deutsches Leben in Russland“. Berlin, 2. Jg., Aprilheft, Nr. 7/8, S. 80-83.

- SCHLEUNING, J. (1927): *Das Deutschtum in Sowjetrußland*. Berlin.
- SCHLEUNING, J. (1930): *In Kampf und Todesnot*. Berlin.
- SCHLEUNING, J. (1932): *Die Wolgadeutschen. Ihr Werden und ihr Todesweg*. Berlin.
- SCHLEUNING, J. (1933): *Die Tragödie des deutschen Bauerntums in Sowjet-Rußland*. Leipzig.
- SCHLEUNING, J. (1952): *Die Stummen reden. 400 Jahre evangelisch-lutherische Kirche in Rußland*. Erlangen.
- SCHLEUNING, J. (1964): *Mein Leben hat ein Ziel*. Witten.
- SCHNEIDER, W. (1965): *Die Rußlanddeutsche Dichtung von den Anfängen der Siedlung bis 1936*. In: *Heimatbuch der Deutschen aus Rußland*, Stuttgart, S. 55-71.
- SOLOV'JOVA-VOLYNSKAJA, I. (1984): *Im Banne des großen Stromes. Leben und Werk des Malers Jakob Weber*. In: *Heimatliche Weiten*, Moskau, Nr., 2, S. 196-228.
- SCHÜNEMANN, G. (1923): *Das Lied der deutschen Kolonisten in Rußland*. In: *Sammelbände für vergleichende Musikwissenschaft*, München, Bd. 3.
- SCHÜNEMANN, G. (1923): *Kolonistenlieder*. In: *Wolgadeutsche Monatshefte*. Berlin.
- SCHÜNEMANN, G. (1924): *Das Lied der deutschen Kolonisten*. In: *Das deutsche Volkslied*. Wien, H. 13.
- SCHÜNEMANN, G. (1925): *Geschichte und kolonistische Kultur im Liede*. In: *Ostdeutsche Monatshefte*, Nr. 8, S. 1204 – 1210.
- STÖCKL, E. (1991): *Rußlanddeutsches Liederbuch*. In: *Deutsche Allgemeine*, S. 4.
- STÖCKL, E. (1992): *Vorwort zu „Olga von der Wolga“ von F. Dortmund (Anm. 110)*, S. 5.
- STÖCKL, E. (1993): *Musikgeschichte der Rußlanddeutschen*. Dülmen.
- SCHWAB, A. (1991): *Rußlanddeutsches Liederbuch, herausgegeben im Auftrag der Landsmannschaft der Deutschen aus Rußland auf Grund der Sammlungen von Mathias Trausch, Johann Windholz, Oskar Geilfuß, Georg Dinges, Konrad Scheierling, Viktor Klein, Georg Schünemann*. Kludenbach.
- TERJOCHIN, S. (1990): *Die Architektur der deutschen Umsiedler*. In: *Heimatliche Weiten (Moskau)*, Nr. 1, S. 230-242.
- TERJOCHIN, S. (1993): *Deutsche Architektur an der Wolga. Aus dem Russischen übersetzt von A. ENGEL-BRAUNSCHEMIDT*. Berlin/Bonn.
- TEPERT, K. (1992): *Isolde Hartwahn*. Stuttgart.
- TZIOULNIKOFF, T. (2001): *Nach Hause kommen... Rußlanddeutsche Künstlerinnen und Künstler in Kirchen in und um Lahr*. Lahr/Mahlberg.
- UNWERTH, W. (1918): *Proben deutsch-russischer Mundarten aus den Wolgakolonien und dem Gouvernement Cherson*. – In: *Abhandlungen der preußischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse*, Berlin, Nr. 11, S. 10-94.
- WAHLBERG, F. v. (1923): *Die Beichte meiner Feder*. In: *Wolgadeutsche Monatshefte*, II. Jg., Berlin 1923, S. 9ff.
- WAHLBERG, F. v. (1912): *Mennoniten. Erzählung*. Wien/Leipzig.
- WAHLBERG, F. v. (1910): *Christian Bode. Erzählung aus den deutschen Kolonien an der Wolgasteppe 1795*. Wien/Leipzig.
- WAHLBERG, F. v. (1919): *Laili Sultaneh*. Stuttgart.
- WAHLBERG, F. v. (1919): *Die Mordinsel*. Wien/Leipzig.
- WARKENTIN, J. (1999): *Geschichte der rußlanddeutschen Literatur aus persönlicher Sicht*. Stuttgart.
- WASCHKAU, E. (1998): *Kulturbeziehungen der Wolgadeutschen Republik mit Deutschland 1918-1933*. In: *Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen*. Essen, Nr. 8, S. 104-118.
- WINDHOLZ, J. (1983): *Volksmusik der Sowjetdeutschen. Geschichte und Aufgaben ihrer Erforschung*. Moskau, S. 255-256.

WEISSINGER, F. (1993): „Josef Ponten zu seinem 50. Geburtstag“. In: *Der Bücherwurm*, XLII-XIX, S.134 ff.

**АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИСТОЧНИКИ БЕЗ АВТОРА.
ARCHIV-QUELLEN UND SOLCHE OHNE VERFASSER-**

Akten des Auswärtigen Amtes IV, Russland (Deutsche Botschaft, II. 3.1926); „Berliner Volkszeitung“ vom 21.03.1926. Zu diesem Treffen waren hohe Beamte des Auswärtigen Amtes, darunter von Dirksen, der Leiter der Russland-Abteilung, und Vertreter der deutschen Industrie geladen.

Akten des Auswärtigen Amtes IV, Russland (*Deutsche Wolgarepublik 1929-1934, Band 1*, 23.01.1929).

Der Wolgadeutsche. Unabhängige Wochenschrift für die kulturelle und wirtschaftliche Förderung des Wolgadeutschums.- Jg. 1-2. Berlin 1922-1923, Jg. III. ff. Neuhof bei Berlin. – **Deutsche Post aus dem Osten.** Hrsg. A. Eichler u. C. v. Kugelgen, Verl. Heimat-Aufbau-Wirtschaftsgenossenschaft russlanddeutscher Kolonisten. 1925-26, 1-9.

Deutsches Leben in Russland. Zeitschrift für die Kultur und Wirtschaft der Deutschen in Russland. Hrsg. Zentralkomitee der Deutschen aus Russland. Hauptschriftleiter Johannes Schleuning. Erschien seit 1923 in Berlin.

Geistiges Leben. Monatsschrift für die Deutschen in Russland. Hrsg. Von Ludwig Wolff und Adolf Eichler, Jg. 1-2, Lodz, 1912-1913.

Mitteilungen des Vereins der Wolgadeutschen, Berlin 1919, Nr. 1-5.

Osteuropäische Zukunft. Zeitschrift für Deutschlands Aufgaben im Osten und Südosten. Hrsg. Dr. Falk Schuipp, Jg. 1-3, Nr. 1-20. München 1916-1918.

Wolgadeutsche Monatshefte. Monatsschrift für Kultur und Wirtschaft der Wolgadeutschen. Berlin 1922, Jg. I. ff. u.a.

Роберт Корн,
ФРГ